

«Крылышкуя скорописью ляжек»: авангардистский подтекст в поэзии Бродского. Предварительные наблюдения

Предложенная в заглавии постановка проблемы может на первый взгляд показаться неожиданной, если не надуманной: хорошо известна холодность отзывов Бродского об авангардистских и модернистских поэтических течениях. Среди перечисляемых автором «Части речи» и «Римских элегий» любимых лириков, повлиявших на его творчество, нет имен поэтов авангарда. И все же «авангардистский» след у Бродского несомненен и значим.

Об интересе к поэтике этого течения свидетельствует, например, выбор переводившихся Бродским западнославянских лириков: бесспорные переклички с авангардизмом присущи Константы Ильдефонсу Галчинскому, к этому направлению принадлежит Витезслав Незвал, авангардистские черты свойственны стихотворениям Чеслава Милоша.

Близость, — хотя бы и ненамеренная, но вполне осознаваемая, — Бродского к авангарду возникает уже из-за глубокого усвоения им поэтики барокко (прежде всего, в английском варианте)^[634]: барочная и авангардистская, в первую очередь футуристская, поэзия глубоко родственны и по исходным эстетико-культурным предпосылкам и по системе приемов, как показал И. П. Смирнов^[635].

Кроме того, акмеистская традиция, неоднократно отмечаемая исследователями как источник творчества Бродского (не только очевидные обращения к поэзии Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама, но и менее явные — переклички с М. Кузминым^[636]), по мнению И. П. Смирнова, хотя и противоположна в некоторых исходных установках футуризму, во многом родственна футуристской эстетике и поэтике и может быть также отнесена к литературе «исторического авангарда» («постсимволизма»):

«Та элементарная структура, к которой можно возвести поэзию акмеистов, должна быть представлена в виде одного

из вариантов инвариантной трансформации, отрезавшей русскую поэзию 1910-х годов от символизма. Специфика акмеистской реакции на символизм состояла в том, что это движение трактовало содержание знака не в роли отдельной вещи, т. е. не как явление, втянутое в гомогенный ряд с замещаемыми посредством знаков объектами, но как иную субстанцию, равноправную по отношению к естественным сцеплениям фактов. Иначе говоря, сигнификативная материя — разного рода культурные комплексы знаков — это, согласно акмеизму, нечто в себе и для себя существующее. Однако и футуристы, и акмеисты исходили при этом из той предпосылки, что содержание текстов лишено идеального характера, субстанциально по своей природе»^[637].

Согласно И. Р. Деринг-Смирновой и И. П. Смирнову, в основе поэтики авангарда лежит «особого вида троп (в самом широком значении слова), покоящийся на противоречии» — катахреза^[638]. Как продемонстрировала, в частности, А. Маймескулов, все основные черты «катахрестической» поэтики авангарда свойственны творчеству Марины Цветаевой^[639], особенно высоко ценимому Бродским.

Общей для «исторического авангарда» — для Цветаевой и футуризма (например, Владимира Маяковского) и Бродского — оказывается «метафизическая» отчужденность лирического героя от окружающей его реальности. Напомню о мотивах не встречи и разлуки в любовной лирике Бродского или о таких строках: «<...> Передо мной пространство в чистом виде <...> В нем, судя по всему, я не нуждаюсь в гиде <...> ...забуксовав в отбросах / эпоха на колесах нас не догонит, босых. // Мне нечего сказать ни греку, ни варягу. / Зане не знаю я, в какую землю лягу...» («Пятая годовщина (4 июня 1977 г.)», 1977 [II; 422]).

Встречаются у Бродского и отмеченные И. Р. Деринг-Смирновой и И. П. Смирновым и А. Маймескулов «авангардистские» (в частности, цветаевские) поэтические представления о изоморфности внешнего мира и мира внутри человеческого тела^[640] («Тело похоже на свернутую в рулон трехверстку, / и на севере поднимают бровь» — «Колыбельная Трескового мыса», 1975 [II; 355]). Возникает у поэта и образ мира как «ткани», «материи», выделенный И. Р. Деринг-

Смирновой и И. П. Смирновым и в поэзии Пастернака, Маяковского, Цветаевой и Мандельштама^[641]. Напомню о «материи»-ткани в стихотворении «1972 год» и XII тексте и в «Римских элегий», и в «Дни расплетают тряпочку, сотканную Тобою...». Родственны «точки зрения» «исторического авангарда» — «постсимволизма» и «панорамное в видение» мира в лирике Бродского, взгляд на земной пейзаж с некоей высокой, — «птичьей» или даже «космической» точки (особенно в стихотворениях, вошедших в книгу «Урания»).

Наконец, автору «Части речи» и «Урании» свойственно и авангардистское «неразличение» вещи и ее образа, отражения или зрительного впечатления. Ключевой образ лирики Бродского — сходящиеся «лобачевские» перспективные линии предметов, замыкающие пространство (символ одиночества — тюрьмы — клетки), — отталкивается не от физических свойств реальности, а от оптической иллюзии, но приписывается пространству и вещам как таковым («Конец прекрасной эпохи», «Колыбельная Трескового мыса» и др.)^[642]. Укажу еще на уподобление тени, отбрасываемой скалой, некоей черной вещи: «<...> скалы Сассекса в море отбрасывают <...> / длинную тень, как ненужную черную вещь» («В Англии. I. Брайтон-Рок», 1977 [II; 434]).

Но в творчестве поэта обнаруживаются не только приемы и представления, определяемые исследователями как общие особенности «исторического авангарда», но и непосредственные переключки с русскими футуристами. Напомню в этой связи о наблюдении В. П. Полухиной, что образы Бродского обыкновенно строятся не на основе метафоры (как у акмеистов), но по принципу метонимии — как у футуристов и наиболее близких к ним лириков — Велимира Хлебникова, Пастернака, Цветаевой^[643].

Несмотря на исходную противоположность эстетических принципов Бродского футуристским, о чем свидетельствуют преимущественная приверженность традиционным формам стиха и отказ от словотворческих экспериментов^[644], в его творчестве несомненны цитаты из Владимира Маяковского и Велимира Хлебникова, причем цитаты эти носят вовсе не случайный характер.